

УДК 343.2/7

**Проблемы определения обстановки совершения
неправомерных действий при банкротстве,
предусмотренных ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ**

Ефимов Артемий Алексеевич

Выпускник,
Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина,
125993, Российская Федерация, Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9/1;
e-mail: misterschmidt@gmail.com

Аннотация

В доктрине уголовного права не разработано понимание признаков банкротства для целей привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ. Статья посвящена проблеме определения обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве. Действующая редакция ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ в качестве обстановки совершения преступления определяет наличие признаков банкротства. Бланкетный характер обстановки совершения данных составов вынуждает правоприменителя обращаться к Закону о банкротстве для уяснения содержания данных категорий. Вместе с тем, действующий Закон о банкротстве содержит устаревшее регулирование признаков банкротства, несовершенство которых сглаживается в рамках судебного правотворчества арбитражных судов и Верховного Суда РФ. Данное противоречие между позитивным регулированием и актами судебного правотворчества порождает проблемы в правоприменительной практике при привлечении к уголовной ответственности по ст. 195 УК РФ, что, в свою очередь, снижает степень уголовно-правовой защиты отношений из несостоятельности. Критический анализ Закона о банкротстве и степень влияния недостатков последнего на практику применения ст. 195 УК РФ. Особое внимание уделяется анализу судебной практики применения ст. 195 УК РФ и правовые позиции судов общей юрисдикции, сформированные под влиянием неудовлетворительного бланкетного регулирования. Формальное понимание признаков банкротства через призму ст. 3 Закона № 127 снижает эффективность привлечения к уголовной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ. Необходимо рассматривать данные признаки через критерии неплатежеспособности или недостаточности имущества.

Для цитирования в научных исследованиях

Ефимов А.А. Проблемы определения обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве, предусмотренных ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ // Вопросы российского и международного права. 2025. Том 15. № 3А. С. 628-636.

Ключевые слова

Уголовное право, неправомерные действия при банкротстве, бланкетность, признаки банкротства, неплатежеспособность, недостаточность имущества, имущественный кризис, объективное банкротство.

Введение

Уголовная ответственность за неправомерные действия при банкротстве направлена на защиту института несостоятельности, который выполняет санирующую функцию в рыночной экономике. Так, в результате применения несостоятельности рынок очищается от неэффективных собственников, а их имущество переходит в пользу эффективных экономических агентов.

Интересы участников процедуры банкротства неизбежно конфликтуют: кредиторы стремятся к максимальному удовлетворению своих требований, часто в ущерб другим кредиторам, а должник заинтересован в сохранении имущества. Для упорядочения отношений из несостоятельности законодатель вводит фигуру арбитражного управляющего. Последний, действуя в интересах должника, кредиторов и общества, управляет одной из процедур банкротства и обеспечивает справедливое распределение обнаруженных активов между кредиторами должника под контролем арбитражного суда. Иными словами, несостоятельности имманентно присуща конфликтность вследствие диаметрально противоположных экономических интересов.

Участники дела о несостоятельности, преследуя собственные интересы, нередко нарушают нормы Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон № 127-ФЗ). Так, например, распространены случаи контролируемого банкротства – ситуация, при которой мажоритарный кредитор, арбитражный управляющий и должник связаны между собой и действуют в интересах теневого бенефициара. Кроме того, распространены случаи выведения ликвидных активов должника в преддверии его банкротства, что является прямым причинением ущерба уже существующим или будущим кредиторам должника.

Нарушение установленных Законом № 127-ФЗ правил ведет к несправедливому перераспределению активов должника в ущерб кредиторам. Это создает риск банкротства самих кредиторов, поскольку их требования становятся безнадежными к взысканию.

В связи с этим законодатель вводит уголовную ответственность за неправомерные действия при банкротстве, обеспечивая тем самым общую превенцию таких преступлений. Однако судебная статистика свидетельствует о низком количестве дел по ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ. Это может объясняться либо низким количеством совершения неправомерных действий при банкротстве, либо эффективной работой органов предварительного расследования, либо системными недостатками ст. 195 УК РФ. Предположение о низком количестве совершаемых преступлений не находит своего подтверждения, поскольку вступает в противоречие как с общим количеством дел о несостоятельности в РФ, так и с количеством обособленных споров в рамках дела о несостоятельности об оспаривании сделок должника по выводу активов из его имущественной сферы, о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности по долгам юридического лица.

Представляется, что одной из причин редкого привлечения к ответственности по ст. 195 УК РФ являются недостатки бланкетного регулирования обстановки совершения преступления в ч. 1 и 2 этой статьи. Категория «признаки банкротства» является устаревшей и не отвечает потребностям гражданского оборота. Устаревшее регулирование признаков банкротства в специальном законе является одной из причин низкой эффективности уголовно-правовой защиты отношений несостоятельности при совершении неправомерных действий при банкротстве. Далее в настоящей статье анализируются указанные недостатки и их последствия применительно к ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ.

Материалы и методы исследования

Для достижения цели анализа недостатков бланкетной части обязательного признака объективной стороны преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ и степени влияния таких недостатков на эффективность привлечения к уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве использовался формально-юридический метод. С помощью данного метода был рассмотрен понятийный аппарат несостоятельности. Сравнительно-правовой метод позволил изучить подходы развитого зарубежного правопорядка – немецкого, к определению обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве. Материалы исследования представлены действующим российским позитивным регулированием, научных трудов в области уголовного права и несостоятельности.

Результаты и обсуждение исследования

Под обстановкой совершения преступлений понимаются специфические обстоятельства, в условиях которых совершается преступное деяние.

Обстановка совершения неправомерных действий является обязательным признаком составов, предусмотренных ч. 1, ч. 2 и ч. 3 ст. 195 УК РФ. Иными словами, обстановка совершения преступления как факультативный признак объективной стороны в данном случае приобретает характер обязательного, конститутивного, выполняя роль криминообразующего признака.

Так, для преступлений, предусмотренных ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ обстановкой совершения преступления является наличие признаков банкротства, а для преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 195 УК РФ – введение процедуры, применяемой в деле о банкротстве. Таким образом, бланкетный характер обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве вынуждает обратиться к позитивному регулированию несостоятельности (банкротства).

По мнению А. В. Ефимова, «кризисное состояние юридического лица, даже когда оно не признано банкротом, влияет на стандарты правомерности поведения лиц, участвующих в управлении юридическим лицом». Это обстоятельство имеет отношение не только к потенциальной возможности привлечения к субсидиарной ответственности лиц, контролирующих деятельность юридического лица, но и потенциальной уголовной ответственности за неправомерные действия при банкротстве.

В соответствии со ст. 3 Закона № 127 под признаками банкротства юридических лиц понимается неспособность должника-юридического лица исполнить денежное обязательство в течение трех месяцев с даты, когда это денежное обязательство должно быть исполнено.

De lege lata это означает, что факт трех месячной просрочки исполнения денежного обязательства является подтверждением неудовлетворительного финансового положения должника.

По мнению А. В. Егорова, «общие положения Закона о банкротстве, рассчитанные (как уже говорилось) на юридических лиц, являются совершенно неудовлетворительными в данном вопросе, поскольку связывают основание для признания банкротом с наличием чисто формальных признаков банкротства — просрочкой платежа по отношению к отдельному кредитору на 3 месяца и более (п. 2 ст. 3 Закона о банкротстве) — признаков, на деле почти никогда не означающих, что лицо в действительности является банкротом» [Белов, 2025].

Действительно, *de lege ferenda* при решении вопроса о возбуждении дела о банкротстве должника нужно руководствоваться не формальными, а сущностными критериями,

определяющими реальное или максимально приближенное к реальности финансовое положение должника. Однако *de lege lata* буквальное прочтение п. 2 ст. 3 Закона № 127 позволяет констатировать признаки банкротства у крупнейшего деvelopeмента только при наличии 3 месячной просрочки по исполнению денежного обязательства, образовавшейся вследствие бухгалтерской ошибки.

На практике же в соответствии со ст. 75 Закона № 127 при решении вопроса о введении следующей процедуры после наблюдения, арбитражный суд опирается на вывод первого собрания кредиторов должника. В рамках этого собрания кредиторы оценивают финансовое состояние должника на основе применения критериев неплатежеспособности или неоплатности имущества должника. В зависимости от установления указанных критериев арбитражный суд вводит либо реабилитационную процедуру – финансовое оздоровление, внешнее управление либо ликвидационную – конкурсное производство. Кроме того, вследствие этих недостатков регулирования признаков банкротства, в литературе предлагается дифференцировать признаки банкротства на сущностные – неплатежеспособность, недостаточность имущества и на внешние – трехмесячная просрочка исполнения денежного обязательства, превышение порогового значения для

Таким образом, для констатации несостоятельности должника необходимо использовать критерии несостоятельности – неплатежеспособности или недостаточности имущества. Признаки банкротства являются лишь формальными маркерами, которые сущностно не подтверждают и не опровергают факт несостоятельности.

Закон № 127 не содержит легального определения критериев несостоятельности. Так, С. А. Карелина под критерием несостоятельности предлагает понимать законодательно установленный подход к финансовой оценке положения должника [Афанасьева, Белицкая, Бобылева и др., 2019]. Вместе с тем, в позитивном праве содержатся дефиниции двух основных критериев несостоятельности, упомянутых выше – неплатежеспособности и недостаточности имущества.

Под критерием неплатежеспособности понимается прекращение исполнения денежных обязательств вследствие недостаточности денежных средств. На первый взгляд может показаться, что данный критерий по своему содержанию во многом совпадает с признаками банкротства. Однако, во-первых, при установлении критерия неплатежеспособности не имеет значения факт продолжительности просрочки исполнения обязательства, а во-вторых, что самое главное, остановка платежей должна обуславливаться фактом недостаточности денежных средств. Иными словами, если должник не исполняет свои обязательства, но у него имеется ликвидные активы, то он не является несостоятельным. Таким образом, перед нами явная несогласованность между критерием неплатежеспособности и признаками банкротства, т.к. в вышеуказанном примере формальные признаки банкротства наличествуют, однако неплатежеспособность отсутствует, что препятствует дальнейшему развитию дела о банкротстве из процедуры наблюдения в следующие процедуры.

Под критерием недостаточности имущества понимается превышение пассивов (кредиторской задолженности) над активами. Однако данный критерий на практике мало распространен в силу недостатков, раскрытие которых выходит за рамки настоящей статьи.

Новеллы банкротства граждан содержат иное, на наш взгляд более корректное, регулирование вопроса о констатации неудовлетворительного состояния должника. Так, в соответствии с п. 2 ст. 213.3 Закона № 127 заявление о признании гражданина банкротом принимается арбитражным судом к своему производству при условии непогашенной в течение трех месяцев задолженности в размере не менее чем 500 тыс. рублей. По мнению А. В. Егорова,

в данном случае речь идет о предпосылках права на предъявление иска, которые являются необходимыми основаниями для вынесения арбитражным судом определения о принятии заявления о признании должника банкротом к своему производству [Белов, 2025].

Кроме того, тот факт, что позитивное регулирование признаков банкротства юридических лиц является устаревшим и не отвечает потребностям гражданского оборота подтверждается активным судебным правотворчеством ВС РФ при толковании ключевых институтов несостоятельности. Так, для целей привлечения контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности было введено неизвестное позитивному праву понятие «объективное банкротство», под которым понимается момент, когда должник стал неспособен в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об уплате обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

Для целей же субординации требований кредиторов – понижения в очередности удовлетворения требований кредиторов, Президиум ВС РФ вводит понятие «имущественный кризис», под которым трудное экономическое положение должника при наличии обстоятельств, перечисленных в п. 1 ст. 9 Закона № 127. По мнению А. И. Шайдуллина, конкретное наполнение понятия имущественного кризиса зависит от судебного усмотрения [Мифтахутдинов, Шайдуллин, 2020]. Для правоприменителя по уголовному делу это снижает правовую определенность при квалификации неправомерных действий при банкротстве, предусмотренных ч. 1, ч. 2 ст. 195 УК РФ. Перед правоприменителями при решении вопроса о возбуждении уголовного дела по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ стоит трудноразрешимая задача определения конкретного наполнения понятия «признаки банкротства».

Таким образом, сами по себе признаки банкротства юридических лиц не подтверждают и не опровергают несостоятельность должника, следовательно, не могут служить адекватным маркером для определения обстановки совершения данных составов преступлений. К аналогичному выводу приходит И. А., Клепицкий, который считает, что «обстановка и время совершения преступления — главные причины неработоспособности статьи» [Клепицкий, 2021].

Обоснованно ли в данном случае расширительно толковать обстановку совершения преступления для нивелирования вышеуказанных недостатков? Можно ли охватить «признаками банкротства» такие категории как «неплатёжеспособность», «недостаточность имущества», «объективное банкротство», «имущественный кризис». Представляется, что ответ на данный вопрос должен быть положительным, по крайней мере, с точки зрения *de lege ferenda*, поскольку целью введения уголовной ответственности по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ, является защита интересов, прежде всего, кредиторов должника. Именно в момент материализации финансовых трудностей на стороне последнего, кредиторы приобретают законный интерес в удовлетворении своих требований за счет имущества должника.

Однако не будет ли это применением уголовного закона по аналогии, что прямо запрещено ч. 2 ст. 3 УК РФ? По мнению, А. И. Чучаева расширительное толкование уголовного закона отличается от аналогии закона тем, что аналогия закона восполняет пробел правового регулирования в условиях отсутствия нормы права, подлежащей применению, тогда как расширительное толкование уголовного закона исходя из подразумеваемой воли уточняет диспозицию конкретного состава преступления [Грачева, Чучаев, 2017].

Вместе с тем представляется, что в публичном праве следует исходить из осторожного применения расширительного толкования уголовного закона не в пользу обвиняемого, т.к. это неизбежно влечет ужесточение уголовно-правовой репрессии в условиях недостатков

правового регулирования, допущенных законодателем, и приводит к несправедливому переносу упущений законодателя на сторону обвиняемого. Однако подробный анализ допустимости в данном конкретном примере расширительного толкования уголовного закона выходит за рамки настоящей статьи.

При буквальном прочтении ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ можно прийти к выводу, что обстановка совершения указанных преступлений рассчитана только для банкротства юридических лиц. Это прямо следует из названия указанной статьи и п. 3 ст. 3 Закона № 127, согласно которому иное регулирование может быть предусмотрено иными нормами Закона № 127. Так, в соответствии с п. 3 ст. 213.4 Закона № 127 гражданин вправе подать заявление о собственном банкротстве при наличии признаков неплатежеспособности и (или) недостаточности имущества. Означает ли это, что законодатель после введения банкротства граждан своим умолчанием сознательно декриминализировал неправомерные действия при банкротстве граждан, конструируя обстановку совершения преступлений по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ только применительно к юридическим лицам?

Очевидно, что положительный ответ на этот вопрос лишен всякого смысла, т.к. общественная опасность неправомерных действий при банкротстве граждан сопоставима с аналогичными действиями при банкротстве юридических лиц. Примечательно, что законодатель учел новеллы банкротства граждан при конструировании обстановки совершения правонарушения в одноименном составе, предусмотренного ч. 1 ст. 14.13 КоАП РФ – наличие признаков банкротства юридического лица и признаков неплатежеспособности индивидуального предпринимателя или гражданина.

Вместе с тем по необъяснимой причине в ч. 2 ст. 14.13 КоАП РФ обстановкой совершения правонарушения является только наличие признаков банкротства. Вряд ли законодатель сознательно допускал декриминализацию нарушения установленного порядка очередности удовлетворения требований кредиторов при банкротстве индивидуального предпринимателя или гражданина. Закон № 127 равным образом относится к нарушению порядка очередности в деле о банкротстве юридического лица и гражданина. В случае, если кредитор получает преимущественное удовлетворение, и совершенная сделка попадает в период подозрительности, указанный в ст. 61.3 Закона № 127, то сделка может быть признана недействительной.

Таким образом, регулирование обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве по ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ является крайне неудовлетворительным. Это объясняется правовым «феликтом» в виде признаков банкротства, а также несогласованностью ст. 195 УК РФ с новеллами банкротства граждан.

Перед изложением особенностей регулирования обстановки совершения неправомерных действий при банкротстве в Германии стоит оговориться, что немецкий законодатель в соответствии с § 283 StGB определяет банкротство в качестве преступления в понимании ст. 195 УК РФ. Для констатации неплатежеспособности или недостаточности имущества на случай отсутствия признаков состава преступления, используется термин «несостоятельность».

Обстановкой совершения преступлений, предусмотренных § 283 StGB являются сверхзадолженность или грозящая либо наступившая неплатежеспособность. Под сверхзадолженностью понимают превышение пассивов над активами, а под неплатежеспособностью – ситуацию, при которой «должник *предположительно* (курсив мой – А. Е.) на длительное время не в состоянии исполнить срочные денежные обязательства» [Головненков, 2021].

Таким образом, при привлечении к уголовной ответственности суды не связаны формальными критериями, а вынуждены каждый раз оценивать факт наступившей или

ненаступившей сверхзадолженности или неплатежеспособности. По изложенным выше причинам данный подход повышает эффективность уголовно-правовой защиты отношений несостоятельности, поскольку наличие трудной экономической ситуации на стороне должника могут не совпадать с формальными признаками банкротства и наоборот.

Заключение

Таким образом, следует признать, что недостатки бланкетной части ч. 1 и ч. 2 ст. 195 УК РФ создают существенные препятствия для правоприменителей для привлечения недобросовестных участников отношений несостоятельности (должников, кредиторов, контролирующих лиц) к уголовной ответственности по данным составам. До внесения законодательных изменений необходимо разъяснение Пленума ВС РФ касательно конкретного наполнения понятия «признаки банкротства» по данным составам. Представляется обоснованным, что «признаками банкротства» должны охватываться неплатежеспособность и недостаточность имущества должника, как это прямо предусмотрено в Германии.

Библиография

1. Белов, В.А. Торговое (коммерческое) право: актуальные проблемы теории и практики: учебник для вузов / В.А. Белов; под редакцией В. А. Белова. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 758 с.
2. Е.Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, А. З. Бобылева [и др.]; под ред. д.ю.н., проф. С. А. Карелиной. Несостоятельность (банкротство). В 2 т. Т. 1: учебный курс. - Москва: Статут, 2019. — 925 с.
3. Мифтахутдинов Р.Т., Шайдуллин А.И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. - 2020. - №9 — 136 с.
4. Клепицкий И.А. Новое экономическое уголовное право: монография. — Москва: Проспект, 2021. — 984 с.
5. Грачева Ю.В., Чучаев А.И. Уголовное право России. Общая и особенная части. - Москва: Контракт, 2017. — 384 с.
6. Ефимов, А. В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография [Текст] / А. В. Ефимов — Москва: Проспект, 2024 — 376 с.
7. П.В. Головненков. Уголовное уложение Федеративной Республики Германия – Strafgesetzbuch (StGB) – Научно-практический комментарий и перевод текста закона [Текст] / П. В. Головненков — Dresden: Universitätsverlag Potsdam, 2021 — 494 с.

Problems of Defining the Circumstances of Committing Wrongful Acts in Bankruptcy under Part 1 and Part 2 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation

Artemii A. Efimov

Graduate,
Kutafin Moscow State Law University,
125993, 9/1, Sadovaya-Kudrinskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: misterschmidt@gmail.com

Efimov A.A.

Abstract

The doctrine of criminal law lacks a developed understanding of bankruptcy criteria for the purposes of criminal liability under Part 1 and Part 2 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation. The article examines the problem of defining the circumstances of committing wrongful acts in bankruptcy. The current wording of Part 1 and Part 2 of Article 195 of the Criminal Code identifies the presence of bankruptcy criteria as the circumstances of the crime. The blanket nature of these provisions compels law enforcement to refer to the Bankruptcy Law to clarify these categories. However, the current Bankruptcy Law contains outdated regulations regarding bankruptcy criteria, whose shortcomings are mitigated through judicial lawmaking by arbitration courts and the Supreme Court of the Russian Federation. This contradiction between positive regulation and judicial lawmaking creates problems in law enforcement practice when prosecuting under Article 195 of the Criminal Code, thereby reducing the effectiveness of criminal law protection of insolvency relations. The article provides a critical analysis of the Bankruptcy Law and examines how its deficiencies affect the application of Article 195 of the Criminal Code. Particular attention is paid to analyzing judicial practice in applying Article 195 of the Criminal Code and the legal positions of courts of general jurisdiction formed under the influence of unsatisfactory blanket regulation. A formal interpretation of bankruptcy criteria through the lens of Article 3 of Law No. 127 diminishes the effectiveness of criminal prosecution under Part 1 and Part 2 of Article 195 of the Criminal Code. These criteria should instead be assessed through the lenses of insolvency or insufficiency of assets.

For citation

Efimov A.A. (2025) Problemy opredeleniya obstanovki soversheniya nepravomernykh deystviy pri bankrotstve, predusmotrennykh ch. 1, ch. 2 st. 195 UK RF [Problems of Defining the Circumstances of Committing Wrongful Acts in Bankruptcy under Part 1 and Part 2 of Article 195 of the Criminal Code of the Russian Federation]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 15 (3A), pp. 628-636.

Keywords

Criminal law, wrongful acts in bankruptcy, blanket norms, bankruptcy criteria, insolvency, insufficiency of assets, financial crisis, objective bankruptcy.

References

1. Belov, V. A. Commercial (Trade) Law: Topical Issues of Theory and Practice: Textbook for Universities / V. A. Belov; Edited by V. A. Belov. — Moscow: Yurait Publishing House, 2025. — 758 pp.
2. Afanasyeva, E. G., Belitskaya, A. V., Bobyleva, A. Z. [et al.]; Edited by Doctor of Juridical Sciences, Prof. S. A. Karelina. Insolvency (Bankruptcy). In 2 vols. Vol. 1: Training Course. - Moscow: Statut, 2019. — 925 pp.
3. Miftakhutdinov, R.T., Shaydullin, A.I. Subordination of Claims of Persons Controlling the Debtor or Affiliated with It in Russian Bankruptcy Law. Scientific and Practical Commentary to the Review of Judicial Practice for Resolving Disputes Related to Establishing Claims of Persons Controlling the Debtor and Affiliated with It in Bankruptcy Procedures, approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on 29.01.2020 // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. - 2020. - No. 9 — 136 pp.
4. Klepitskiy, I. A. New Economic Criminal Law: Monograph. — Moscow: Prospekt, 2021. — 984 pp.
5. Gracheva, Yu.V., Chuchayev, A.I. Criminal Law of Russia. General and Special Parts. - Moscow: Kontrakt, 2017. — 384 pp.
6. Efimov, A. V. Influence of Economic Characteristics (Indicators) on the Legal Status of Legal Entities: Monograph [Text] / A. V. Efimov — Moscow: Prospekt, 2024 — 376 pp.

7. Golovnenkov, P. V. Criminal Code of the Federal Republic of Germany – Strafgesetzbuch (StGB) – Scientific and Practical Commentary and Translation of the Law Text [Text] / P. V. Golovnenkov — Dresden: Universitätsverlag Potsdam, 2021 — 494 pp.